

Глава 8. Прелестное недоразумение

— Почему ты меня остановил? Неужели мы так это и оставим? Твоя рука всё ещё у этого ублюдка! — вскинулся Гу Фэй, задыхаясь от негодования.

Цзян Жуцзин с трудом загнал полыхавшую в груди ярость поглубже. Его лицо оставалось обманчиво спокойным.

— В мире боевых искусств свои правила: не тянешь — отступай. Что тут непонятного?

— Но как же рука?

Цзян Жуцзин холодно усмехнулся:

— Мои вещи не так-то просто прикарманить. Рано или поздно он сам приползёт на коленях, чтобы вернуть её.

Его нрав был взрывным, а гордость не знала границ — Цзян никогда не прощал обид. Месть была лишь вопросом времени и способа.

Услышав это, Гу Фэй немного успокоился. Главное, что надежда вернуть утраченное оставалась. Вспомнив, насколько беспомощным он был перед своим новоявленным «старшим братом» — тот двигался так стремительно, что Гу Фэй даже не успел разглядеть замах, прежде чем отлетел в сторону, — он невольно прижал ладонь к груди. Но, к его удивлению, боли не было. Ни синяков, ни ломоты — словно те два удара ему просто привиделись.

Цзян Жуцзин посмотрел на него с насмешкой:

— Радуйся, что он не собирался тебя убивать. Иначе ты бы уже давно сдох как пёс под забором.

Гу Фэй замер, а затем упрямо вскинул подбородок:

— Я всё равно его одолею!

— Ну разумеется. Он ведь старше. Когда ему останется секунда до смерти от старости, а ты всё ещё будешь коптить небо, тогда и победишь. Без труда.

— Я серьёзно!

— Да-да, ты у нас самый серьёзный человек в мире.

— Цзян Жуцзин! — вспыхнул подросток.

Тот лишь негромко хмыкнул, чувствуя, как настроение понемногу улучшается. Затем, словно что-то вспомнив, он задумчиво потер подбородок:

— Кстати, с чего это он в меня вцепился с таким ошалелым видом?

Гу Фэй, смирившись с тем, что тему разговора сменили, вздохнул:

— Этот парень — мой старший брат по отцу, Гу Янь. Думаю, он пришёл, чтобы доставить мне проблем. Прости, что втянул тебя в это. — Он замолчал на мгновение, а затем добавил с искренним рвением: — Дай мне время. Победа над ним — лишь вопрос времени.

— О как? Твой братец... — Цзян Жуцзин окинул его скептическим взглядом и быстро отвернулся. — Исключено. Ты слишком слаб, он бы тебя даже не заметил. Одного щелчка хватило бы, чтобы стереть тебя в порошок.

Когда мастер достигает определённых высот, разве станет он размениваться на тех, кто копошится у подножия?

В этот момент они проходили мимо лавки, и в чистом оконном стекле отразился облик Цзян Жуцзина — юный, статный и вызывающе красивый.

Тут его осенило:

— А! Всё дело во внешности. Я ведь наделён обликом небожителя, так что его желание пасть к моим ногам вполне естественно!

Гу Фэй не выдержал и закатил глаза. Ясно. У Цзян Жуцзина не просто была непоколебимая уверенность в себе — он страдал от запущенной формы самолюбования.

После того дня Гу Фэй больше не заговаривал о случившемся, но инцидент явно стал для него мощным стимулом. Теперь он возвращался домой лишь глубокой ночью, когда небо уже усыпали звёзды, а улицы погружались в тишину. В бойцовском клубе острова Айлань шептались, что парень окончательно сошёл с ума.

Шутка ли — проводить сорок семь поединков за один день? Такого здесь ещё не видели.

Лишь немногие, помня о грядущей Битве двух островов, догадывались: юноша рвётся в десятку

сильнейших бойцов Айлани, чтобы заполучить заветный пропуск на турнир.

Неделю спустя Гу Фэй, измученный, но сияющий, предстал перед Цзян Жуцзином.

— Я получил право бросить вызов... Через пять дней... Сражусь с Гэсаном, десятым в рейтинге...

Едва договорив, он с облегчением выдохнул и рухнул на пол без сознания.

Цзян Жуцзин, всё это время занятый укреплением своего нового тела из корня айлани, почти не обращал внимания на подопечного. Увидев его в обмороке, он лишь недоуменно нахмурился: «И чего он так убивается?»

Цзян уже неплохо освоился в этой оболочке — по крайней мере, детали от него больше не отваливались при каждом шаге. Он легко подхватил Гу Фэя и перебросил его на диван. В этот момент куртка парня задралась, обнажив бок, покрытый иссиня-чёрными гематомами.

Цзян Жуцзин посмотрел ледяным взглядом. Он осторожно коснулся нескольких ран, а когда его пальцы скользнули под левую подмышку, он нащупал там кусок задубевшей, пропитанной чем-то ткани. Надавив сильнее, он увидел, как проступила свежая, липкая кровь. Не говоря ни слова, Цзян взял со стола нож, парой точных движений разрезал одежду в клочья и надолго замолчал.

Мальчишка был буквально истерзан.

Всё-таки сила Гу Яня задела его за живое. Раньше, запертый в тесных рамках своего мирка, Гу Фэй и не подозревал, что над небесами есть иные небеса. Он верил, что, став лучшим на Айлани, сможет покорить и Всемирный конгресс боевых искусств. Его вера в себя крепла с каждой победой, пока реальность в лице Гу Яня не отвесила ему сокрушительную пощёчину.

Тот даже не коснулся его одежды — он двигался так, что глаз не успевал уловить тень. Удар возник из ниоткуда, выверенный до миллиметра: ни серьёзных травм, ни даже боли, лишь абсолютное осознание собственной ничтожности. Этот удар вдребезги разбил едва окрепшую мечту подростка.

«Я серьёзно!» — в памяти всплыл упрямый голос юноши, в котором сквозила яростная, почти отчаянная решимость. Что-то в груди Цзян Жуцзина шевельнулось.

Он достал остатки скудных запасов мази и принялся промывать раны. Из-за ограниченной пропускной способности пространственного туннеля он не смог захватить с собой почти ничего ценного. Даже его любимый меч Даочжэнь остался в том мире.

Цзян Жуцзин горько усмехнулся. Мечник без меча... какая нелепость.

Он посмотрел на спящего Гу Фэя. Цзян на миг посмотрел с какой-то странной, влажной мягкостью. Такой фанатизм... совсем как у него самого в детстве.

Что ж, пожалуй, стоит ему помочь.

Цзян Жуцзин уже собирался продолжить перевязку, как вдруг он напрягся. Он резко повернул голову к двери, собираясь окликнуть незваного гостя, но вовремя прикусил язык.

Во время недавних праздных бесед Гу Фэй упоминал, что его брат, Гу Янь, — гений похлеще самой Нин Лань. Несколько лет назад он отправился в странствие, бросая вызов лучшим воинам на разных островах. По слухам, он давно закрепился в десятке сильнейших даже на пятидесятом острове. Судя по тому, что Цзян видел сам, Гу Янь явно не из тех, кто станет размениваться на борьбу за место в крошечной Айлани.

Тогда что он здесь забыл? Решил поддержать отца в преддверии битвы?

И почему он тогда, на улице, так внезапно вцепился в Цзян Жуцзина с этим непередаваемым выражением лица? Неужели они знакомы?

Или... ему кто-то что-то нашептал?

Цзян на мгновение замер. Он вспомнил тот девчоночий голос, ставший для него настоящим кошмаром.

Проклятая Система...

Се Чжицзянь, неужели это ты?

Цзян Жуцзин заставил себя успокоиться и, сделав вид, что ничего не заметил, продолжил обрабатывать раны друга.

А за дверью Хуа Тинфан, которому с трудом удалось улизнуть от Ли Ле, нерешительно сжал кулаки. Поколебавшись, он всё же негромко постучал в старую железную дверь.

Послышались лёгкие шаги.

Оба — и тот, кто был за дверью, и тот, кто открывал, — внутренне подобрались, готовясь к встрече то ли с врагом, то ли с призраком из прошлого.

Дверь распахнулась.

Цзян Жуцзин нацепил маску наивного юнца и выдал колючую, защитную усмешку:

— Опять ты? Чего припёрся? Решил оторвать мне и вторую руку?

Он смотрел волчком, выставив иглы и всем видом показывая враждебность.

Хуа Тинфан смотрел на нежное, почти детское лицо четырнадцатилетнего пацана, на его нарочитую браваду, и его подозрения мгновенно растаяли.

Разве тот человек стал бы так ерепениться перед тем, кто только что искалечил его тело?

Нет... Цзян Юймин первым делом вонзил бы в обидчика меч, а уж потом стал бы выслушивать объяснения.

А этот... просто ребёнок, который очень хочет казаться взрослым.

Да, лицо похоже. До безумия похоже на Юймина в детстве.

В голове Хуа Тинфана пронеслись тысячи мыслей, но лицо осталось холодным и бесстрастным. Он протянул чёрный продолговатый сверток:

— Держи. Твоё.

— Это что ещё?.. — Цзян Жуцзин недоверчиво сощурился, переводя взгляд с мужчины на сверток. Он смотрел с явным испугом в своих больших тёмных глазах.

Хуа Тинфан словно ещё больше окаменел. Он силой впихнул сверток в руки мальчишки и уже собирался уйти, чувствуя необъяснимую горечь разочарования. Это не Юймин. Конечно, нет. Юймина сгубил этот интриган Ли Ле... Откуда ему здесь взяться? Просто случайное сходство, не более.

Как и советовал Ли Ле — пора перестать о нём думать. Первое правило выживания для завоевателя: никогда не привязывайся к обитателям этих миров по-настоящему.

Мы игроки, они — NPC. Разные виды, разный смысл существования. Какая уж тут любовь?

Хуа Тинфан уже развернулся, чтобы уйти, как вдруг в его сознании раздался звонкий, надтреснутый голос:

"Пш-ш-ш... Пи-пи-пи! Система №17 успешно перезагружена после восстановления. Глупый напарник, давно не виделись! Соскучился?"

Хуа Тинфан даже не вздрогнул — он давно привык к внезапным выходкам своей Системы.

Но тут голос в его голове зазвучал иначе, почти истерично:

"Зафиксированы мощные эмоциональные колебания! Автоматическое сканирование запущено!"

"Обнаружен идеальный объект прохождения! Хочешь назначить его объектом прохождения?"

Хуа Тинфан замер. Появление подходящего объекта было для него делом первостепенной важности.

"Кто? Где?" — спросил он мысленно.

"Да вот же он, этот милый карапуз перед тобой! Ой... у карапуза рука сломана? Скорее, напарник! Вылечи его! Это сразу подбросит уровень дружелюбия до небес!"

"Нет, — отрезал Хуа Тинфан. — Подождём другого."

"Чего-о?!"

"Он слишком похож на одного моего старого знакомого..." — с сомнением проговорил мужчина.

"Кто там ещё? Дай гляну... Гляну... Гля... Гля..."

В его сознании «рисовый шарик» внезапно скорчил гримасу неопишемого ужаса.

"Твою ж направо! Это же Цзян Жуцзин! Что он здесь забыл?! Беги, напарник, беги! Уноси ноги от этого ходячего бедствия!"

Не дожидаясь объяснений, Система поспешно зажмурилась и ушла в глубокий офлайн.

Хуа Тинфан лишь вздохнул. Он посмотрел на мальчишку, который во все глаза уставился на него, и невольно он слабо улыбнулся.

«Надо же, как похож на Юймина...»

— Я ухожу, — коротко кивнул он и скрылся в темноте.

А Цзян Жуцзин, слышавший каждое слово этого безумного диалога между человеком и Системой, чувствовал, как внутри у него всё леденеет.

Этот голос... он не мог ошибиться.

Значит, это и правда ты? Се Чжицзянь.

На ночном берегу Се Чжицзянь — он же настоящий Ли Ле — с наслаждением вгрызлся в сочный шашлычок, обдуваемый морским бризом. Мимоходом он, не глядя, ткнул бамбуковой шпажкой в очередного наглеца, решившего поискать с ним ссоры, и тот улетел в песок.

Внезапно Ли Ле громко чихнул, потёр нос и, пожав плечами, продолжил уплетать мясо.

<http://bllate.org/book/17530/1701247>